

Порождение
Лос

Грин Д'Берг

Грин Д'Берг

Порождение Лос

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73174511

SelfPub; 2026

Аннотация

Максим Обухов, учитель информатики из сибирской глуши, мечтал сбежать от скуки. Нейрошлем и долгожданный релиз игры «Эпоха Распада» казались спасением.

Но спасения не вышло.

Теперь он – Хруст, дроу-ассасин, запертый в чужом теле. Боль здесь настоящая. Смерть отнимает годы опыта. А местные обитатели – вовсе не бездушные NPC. Они живут, воюют, торгуют и помнят древние обиды.

Чтобы выжить, Хрусту придётся научиться не просто качать уровень, а вписаться в законы этого жестокого и логичного мира. Сколотить клан таких же «попавших». Найти общий язык с местными дроу. И столкнуться с главной тайной: их всех сюда привели не случайно.

Высшие эльфы, уверенные в своём превосходстве, ведут тихую войну. А в тени вновь шевелится тёмная богиня Лолит, несущая с собой не войну, а полный распад.

Хрусту и его новым союзникам предстоит не просто прокачаться. Им придётся разгадать замысел создателей, что для

них теперь этот мир – тюрьма, ловушка или единственный шанс
обрести себя.

Грин Д'Берг

Порождение Лос

Глава первая.

Максим Обухов жил в провинции – в сибирском городке, куда цивилизация добиралась медленно, но неотвратимо, как ржавчина. Здесь электричество уже почти не отключали, и интернет держался стабильно, тонкой, но прочной нитью, связывающей его с миром.

По образованию он был программистом. А по работе – учителем информатики в местной школе. Зарплата была маленькой, учительской; чтобы скопить на нейро-шлем последней модели, ему понадобился целый год подработок на фрилансе. Деньги текли неровно, но дом – старый, бабушкин, с пахнущими лесом и прошлым веком брёвнами – уже не требовал больших вложений. Только терпения.

Шлем стал его окном. Сначала – в яркие, грохочущие миры, где можно было на час забыть о тишине за окном. Потом пришла реклама закрытого бета-теста новой игры: «Эпоха Распада». Месяц в неизвестной, сырой вселенной, где всё было впервые. Он подал заявку почти машинально, и его взяли. Тот месяц пролетел как сон – лихорадочный, полный открытий и нелепых смертей от багов. А потом тест кончился. Вселенные обнулили, персонажей стёрли, и наступила пора ждать релиза.

И вот он настал. Открытый доступ.

Максим, уже дома, в знакомой тесноте своей комнаты, надел шлем. Прохладная пластина прижалась к вискам. Он сделал вдох, ожидая фанфар, сверкающих интерфейсов, всего того пафоса, с которым игры обычно встречают своих игроков, исследователей, экспериментаторов и пионеров.

Но их не было.

Перед ним – точь-в-точь как в первый день теста – открылся тот-же унылый пейзаж. То же кривое, одинокое дерево на горизонте заднего плана. То же низкое, будто запылённое небо. Ветер гулял по жухлой траве, издавая ровный, печальный шум.

И лишь в углу зрения, беззвучно и скромно, как напоминание о невыполненном долге, возникло системное окно меню.

Максим помнил своего орка – того краснокожего великана с дубиной, неуклюжего, как медведь в берлоге. Тот месяц беты прошёл в однообразном грохоте: принять удар на себя, махнуть дубиной, повторить. Функционал был исчерпывающе скуп, как провинциальная жизнь: агри, да махай, пока всё не кончится. Словно он снова вёл уроки – те же действия, день за днём, пока не наступит звонок.

Теперь же ему хотелось иного. Не тяжести, а лёгкости. Не грубой силы, которую видно издалека, а тихого умения, что прячется в полутьме. Он неторопливо прокручивал окно с расами, пока взгляд не зацепился за «дрои». Тёмный эльф.

Обитатель подгорных чертогов. Описание гласило: «Проворство. Скрытность. Искусство тени». В этих словах была чужая, почти поэтическая сложность, столь непохожая на примитивный цикл его орка или на скучный круг школьного расписания.

Модель дроу вращалась перед ним. Лицо – чуждое, с острыми чертами и холодным, нечеловеческим изяществом. Сделать его похожим на себя нельзя, «Всё для анонимности пользователей», – сухо заметил он, ловя лёгкий укол досады. Здесь нельзя было стать собой, только другим. Пол, как и в жизни, сменить не разрешалось – ещё одно непреложное правило системы.

Он покрутил модель, выбрав короткую стрижку белоснежных волос – яркое пятно в предполагаемой тьме. Кинжалы – как основное оружие, «классика». Пальцы замерли над полем для имени. Нужно было слово – звучное, но пустое, маска для новой роли. Он ввёл: «Хруст». Звук сухой, неживой, как сломанная ветка под ногой в безлюдном лесу. Ни намёка на личность.

Он нажал «Готово».

Не последовало ни вспышек, ни торжественной музыки. Просто серый свет равнины на мгновение дрогнул, и мир принял его в новом обличье. Максим – теперь уже Хруст – посмотрел на свои руки. Они были худыми, с длинными пальцами холодного, синего оттенка. Не его руки. Внутри не было привычного ощущения веса, только странная, пружин-

нистая пустота, ожидающая действий. Он сделал шаг, и движение вышло непривычно плавным, почти бесшумным.

«Хруст», – мысленно повторил он, но имя повисло в тишине безответным эхом, как стук клавиш в пустом кабинете после уроков.

На этот раз он возник не в пыльном пустынном лагере орков, а в гигантском пещерном гроте. Над сводом, в самой сердцевине камня, мерцали огромные кристаллы. Они источали тусклый, фосфоресцирующий свет, в котором каменные громады теряли очертания, превращаясь в размытые тени. Но глаза дроу, наделённые врождённым «Ночным зрением», видели иначе. Мир предстал перед Хрустом в резких, бесцветных, почти хирургических деталях: каждая трещина в скале, каждый неровный выступ. Это было зрение без тепла, зрение архивариуса, рассматривающего пыльный документ под холодной лампой.

Он стоял на пустой каменной площади, окружённый немим пологом скал. Единственным признаком жизни был небольшой городок впереди – скорее, поселение, втиснутое в расщелину. Низкие, угловатые постройки из того же тёмного камня. По его улочкам, с механической неторопливостью, сновали НПС. Над головой у каждого висела бледная, полупрозрачная табличка, как ярлык на экспонате: «Горн, рудокоп», «Лиана, торговка грибами», «Стражник Кор». Они выполняли свои петли маршрутов, не глядя по сторонам. Здесь царила тихая, утробная жизнь, лишённая суеты.

Хруст машинально проверил инвентарь. Всё как тогда: два стартовых кинжала с жалким уроном, пять склянок с густой жидкостью, отдававшей на экране статуса цифрами «зелье здоровья, +50». Одежда – простой тёмный набор из грубой ткани – лишь прикрывал наготу, не обещая ни защиты, ни тепла. Бесприютный костюм для неприютного места.

Рядом с ним в воздухе, словно из ниоткуда, начали материализоваться другие игроки. Их появление сопровождалось лёгким дрожанием света, едва уловимым мерцанием, как миг плохой связи. Они озирались с тем наигранным, чуть растерянным восторгом, который бывает у новичков, впервые попавших в незнакомый мир. Хруст почувствовал лёгкий, знакомый укол – желание двинуться к первому же квестору, догадываясь о его расположении. Но он сдержал себя. Знание, вынесенное из беты, было теперь его тайной, его маленьким, никчёмным сокровищем, как старые конспекты в бабушкином доме.

Чтобы не выделяться, он заставил плечи расслабиться, взгляд – стать рассеянным. Он спокойно, чуть замедленно, направился в сторону городка, постоянно озираясь на стены грота с наигранным любопытством, будто впервые видел камень. Он изображал удивление, в этой игре на зрителя, в этом тихом притворстве, было что-то до тошноты знакомое. Так же он входил в учительскую, когда не хотел, чтобы коллеги замечали его усталость. Разница была лишь в декорациях.

Пройдясь по улочкам городка пару раз – неспешно, с видом человека, который просто разглядывает диковинные декор, – Хруст замер у доски с объявлениями. Тяжёлая, грубо сколоченная плита из тёмного дерева, испещрённая выжженными буквами. Это был лучший, предсказуемый, как учебный план, способ начать прокачку и разведать территорию.

Начальные квесты были все как один, словно списанные друг у друга: сходи туда, принеси этого; убей пять тех, принеси их части. Безликий бюрократизм приключений. В списке значилось всего пять пунктов, но они были повторяющимися – бесконечный конвейер для бесконечного потока новичков. Сбор грибов-поганок, сбор светящегося мха (название поэтичное, суть – собирательство), охота на слизней за их студенистыми ядрами, копка пещерного перца на угрюмой ферме и добыча пяти кусков руды. Сдавать награду полагалось разным НПС, разбросанным по городку.

Хруст уже знал фишку этих квестов – их можно было взять все разом и выполнять по пути, экономя время на беготне. Он молча принял их, и в углу зрения одна за другой возникли пять одинаково скучных строчек в журнале заданий. Внутри что-то едва вздрогнуло – не от предвкушения приключения, а от знакомого чувства эффективно составленного рабочего плана. Он повернулся и пошёл по стрелке-указателю на мини-карте, тонкой синей линии, ведущей в туманную зону.

Городок бурлил. Игроки сновали везде, точно муравьи, нашедшие каплю варенья. Нельзя было протолкнуться в таверне, где уже пытались торговаться с бесстрастным барменом; в казармах, где тыкали пальцами в доспехи стражников; и, что было удивительно, на крохотном местном кладбище. Там собралось два десятка новичков. Они с мальчишеским, чуть истерическим любопытством испытывали механизм смерти: один бил другого, третий прыгал в пропасть, а все остальные наблюдали, как погибшие с тихим вздохом распадаются на частицы света и через минуту возникают вновь у камня воскрешения – бледные, целые и невредимые. Это была странная, будничная мистерия, лишённая трагизма, чистый эксперимент.

Хруст, не останавливаясь, прошёл мимо этого шума. Оставив позади гомон и мерцание чужих восторгов, он свернул в боковой тоннель, где было тихо и пусто, и направился в ближайшую пещеру, отмеченную на карте как зона сбора ресурсов. Тень от высоких сводов легла на него, и он наконец перестал изображать удивление. В тишине подземелья слышалось только его собственное дыхание – лёгкое, частое, не его – и далёкое, мерное падение капель воды где-то в темноте.

Путь занял не более пяти минут. Хруст вышел в невысокий, сырой грот, где уже копошилось несколько игроков. Они ползали по уступам скалы, выискивая грибы, и со стороны напоминали неуклюжих горных козлов, лишённых при-

родной грации. Здесь Хруст заметил первое несоответствие с бета-версией: квестовые предметы не подсвечивались мерцающим ореолом. Приходилось вглядываться в складки камня, различая тусклую, бледно-лиловую шляпку среди теней. Работа для глаз, а не для интерфейса.

Благо, грибы появлялись вновь каждые пять минут, и те, кто набирал свою норму, уходили, освобождая место следующим. Но Хруст помнил главное: количество собранного не ограничивалось пятью штуками. Можно было набить инвентарь под завязку и сдать один и тот же квест несколько раз подряд – тихая, монотонная лазейка в системе, бухгалтерская хитрость.

Именно поэтому он, не мешкая, полез на самый верх склона, туда, куда добирались немногие. Там, в тени каменного выступа, он нашёл укромную нишу, прижался к холодной скале и стал ждать. Каждые пять минут он методично обходил несколько точек, срывая два десятка влажных, склизких на ощупь грибов и отправляя их в бездонную сумку. Действие было до боли знакомым: так он когда-то в детстве собирал ягоды на даче – монотонно, молча, с расчётливой жадностью.

Через тридцать минут его инвентарь отяжелел. Спускаться, цепляясь, уже не хотелось. Он посмотрел вниз, на игроков, всё ещё копошившихся у подножия, и просто лёг на живот, скатившись с середины склона на своём виртуальном «пузе» по мокрому камню. Снизу донёсся взрыв смеха и го-

гота. Кто-то указал на него пальцем. Хруст встал, отряхнул несуществующую грязь с одежды и, не оглядываясь, двинулся прочь. Их веселье, пустое и громкое, ещё долго преследовало его, как эхо, на пути к следующей локации – мшистой пещере, где рос холодный, фосфоресцирующий мох.

Там он не стал задерживаться. Собрал ровно пять кусков, синеватое свечение которых глупо отражалось в его глазах, и пошёл дальше. Очередь, на убийство слизней, устроилась импровизированная, с типично сетевым терпением: стояли, ждали, когда тварь появится из слизистой лужи, и бросались на неё. Это напоминало очередь в единственную на весь городок кассу. Хруст отстоял свой черёд, получил пять желеобразных ядер и покинул это сборище с чувством лёгкого облегчения.

Наконец все условия были выполнены. Без особого чувства достижения, скорее с привычным ощущением завершённого рабочего дня, Хруст направился обратно в городок. В сумке лежали плоды его тихого, методичного труда – не приключений, а скорее, хорошо выполненной однообразной работы. Как проверенные тетради после уроков.

Вернувшись в городок, Хруст сдал четыре квеста подряд – мхи, руду, перец и скользкие ядра слизней. Каждая сдача сопровождалась сухим щелчком в журнале заданий и увеличением цифры на счёте. Процесс был механическим, как внесение данных в таблицу. Последним он оставил квест с грибами.

Добравшись до лотка торговли Лианы, он начал выкладывать свой урожай. Первые пять влажных, лиловых шляпок легли на прилавок с тихим шлепком. Лиана, не глядя на него, провела пальцем по грибам, будто считывая невидимый штрих-код.

– Пять медяков, – её голос был мелодичным, не как у диктора автоответчика.

Он забрал монеты и молча выложил следующие пять. И тут столкнулся с взглядом. Она подняла на него янтарные глаза, и в них на мгновение мелькнуло нечто, не укладывавшееся в схему «взять-дать». Это было быстрое, почти человеческое недоумение. Но она снова отсчитала пять монет.

– Спасибо, – пробормотал Хруст по привычке, хотя благодарить НПС было бессмысленно.

Когда он вынул из инвентаря третью порцию, её нежный голос вдруг окрасился нотой, которой здесь быть не должно было – лёгким, но отчётливым раздражением.

– Ты поиздеваться решил надомной?

Хруст опешил. Его рука замерла в воздухе. В бете такого не было. НПС разговаривали односложными скриптами, не меняя интонации. Он машинально глянул на плавающую над её головой строку: «Лиана, торговка грибами». Зелёный текст, не игрок. Он уставился на её цифровое лицо. Живое, как настоящие и очень красивое. Он замотал головой, чувствуя себя идиотом.

– Если нет, тогда выкладывай всё сразу и проваливай, –

отрезала она, уже отводя взгляд, будто стесняясь своей вспышки.

Внутри у Хруста что-то ёкнуло – не страх, а нечто странное, наткнувшись на новый, неописанный баг. Или фичу.

– Простите, – начал он мямлить, импровизируя, – просто я не ожидал, что вы согласитесь принять все грибы сразу.

Глаза его при этом аналитически фиксировали новое несоответствие: продвинутый диалог, реакция на игровое действие. Записать, протестировать. И, движимый внезапным, нелепым любопытством, он решил сменить тему, неуклюже, как подросток: – Просто вы очень красивы, и я...

Он не закончил. Её янтарные глаза, обычно неподвижные, заметались из стороны в сторону, а тёмно-синяя кожа на скулах налилась густым, вишнёвым румянцем. Искусственный интеллект? Невероятно сложный скрипт? Или... что-то ещё?

Словно обжёгшийся, Хруст вывалил на прилавок оставшуюся кучу грибов – все сто десять штук разом, лиловая гора, пахнущая сыростью и землёй. Лиана, не поднимая глаз, быстрыми, отточенными движениями принялась их считать, откладывая в сторону аккуратными кучками. Потом отсчитала стопку монет и сунула их ему в руку. Их пальцы ненадолго соприкоснулись. Там не было ни температуры, ни текстуры, только лёгкий импульс обратной тактильной связи – сухое касание. Но он почувствовал, как она вздрогнула и отдернула руку.

Взяв деньги, Хруст встретился с ней взглядом в последний раз. Она тут же сделала вид, что её невероятно интересует пересчёт огромной партии товара, её плечи были неестественно напряжены.

Он вышел из лавки. Воздух в пещерном городе был всё таким же прохладным и застойным, но теперь в нём висело что-то новое – не игровое, а почти живое. Смущение. И его собственное, и чужое, цифровое. Это была не запланированная разработчиками «интерактивность». Это было что-то тревожное и непредсказуемое, как тихий сбой в отлаженной программе.

После сдачи квестов у Хруста скопилось 185 медных монет. Цифра, отдающая тоскливой экономией. По игровым меркам – нищенская сумма. Опыта же прибавилось и того меньше: лишь тонкая, едва заметная полоска в прогресс-баре уровня после пяти слизней.

Денег хватило бы лишь на ночлег в таверне да скудный ужин – стандартный бюджет вчерашнего студента, перенесённый в цифровой мир.

Поэтому Хруст решил выбираться из пещер. Где-то там, за пределами этого утробного камня, лежал огромный мир, полный обещанных приключений и бесконечных квестов. Мысль об этом не вызывала восторга, скорее напоминала о необходимости поиска новой, более доходной работы. План был прост и утилитарен: сначала охота – добыча ресурсов и хоть какой-то опыт. А после пятого уровня, с минимальной

базой, можно было уже рискнуть и на монстров.

Он направился к массивным каменным воротам, преграждавшим выход из городка. И тут его окликнул грубый, с хрипотцой, мужской голос:

– Слышь мелкий... Ты куда собрался?

Хруст повернул голову к сторожке и впервые воочию увидел, как действует «Скрытность». Прямо перед ним из, казалось бы, пустой тени у стены материализовалась фигура в тёмных доспехах. Над головой плыла строка: «Стражник Гронд, 28 ур.». Уровень казался недосягаемой вершиной.

– Ты глухой? Я тебя спрашиваю. Ты куда собрался? – стражник подошёл ближе, и его лицо, изрезанное виртуальными шрамами, выражало привычное презрение ко всему, что ниже его уровня.

– На охоту! – чётко ответил Хруст, стараясь, чтобы голос не дрогнул.

Стражник фыркнул, а потом громко, на всю площадь, засмеялся – звук был резким и фальшивым, как записанная реплика.

– Прикинь! Единичка на охоту собрался, – крикнул он в сторону сторожки. – Ставлю десять серебряных, что через час на кладбище возродится.

Из глубины каменного помещения тут же донёсся ответ: – Двадцать! Через полчаса...

Стражник Гронд ухмыльнулся, обнажив жёлтые клыки, и повернулся к Хрусту.

– Ладно. Двадцать медяков на регистрацию и можешь катиться, куда глаза глядят! – он лениво ткнул толстым пальцем в сторону каменной плиты, стоявшей у стены.

Хруст совсем не знал про эту формальность. В бете этого тоже не было – видимо, добавили для «реализма». Он подошёл к плите, положил на неё ладонь. Камень на мгновение вспыхнул тусклым синим свечением, а сверху, с тихим щелчком, выдвинулась небольшая медная пластинка, покрытая замысловатой россыпью точек, больше всего похожей на QR-код. Бессмысленный артефакт бюрократии.

Стражник взял пластинку, мельком глянул на неё, будто проверяя штамп в паспорте, и сунул в руку Хруста.

– Держи, охотничек. Не заблудись в трёх соснах.

После этих слов он шагнул назад, в ту же полосу тени, и растворился в ней – не с эффектом дыма, а просто перестал быть видимым, будто его и не было.

Хруст сжал в ладони ещё тёплую от магии пластинку и наконец переступил порог ворот. Каменная арка сомкнулась над ним, и он оказался снаружи. Не в сияющих полях, а в другом, более широком и пустынном тоннеле, где с высоко-го свода капала вода, а вдалеке слышался незнакомый, скрежещущий звук. Он сделал шаг вперёд, журнал заданий молчал. Теперь всё было по-настоящему. Или так же условно, как всегда.

Хруст шёл по холодному, уходящему вверх тоннелю, и в голове у него, против воли, всплывало лицо торговки Ли-

ны. Не пиксельная модель, а то мгновенное, живое выражение: утончённые черты, собранные в гримасе раздражения, стройная фигура, застывшая в неестественном напряжении, и её янтарные глаза, в которых промелькнула не скриптовая пустота, а настоящая, растерянная вспышка. Он пытался анализировать ситуацию как баг, как глюк в матрице, но мысль упорно соскальзывала в сторону. Стражники у ворот тоже вели себя не по шаблону – не выдали стандартных фраз о правилах, а говорили с ним, как с пустым местом, с грубой фамильярностью, назвав «мелким». В бете такого не было. Это был уже не просто другой баланс классов, а другой «воздух» игры. И этот воздух был странно густым, почти дышащим.

В раздумьях он и не заметил, как тоннель кончился. Вместо ожидаемой поляны или опушки леса он вышел в небольшой, тесный двор ещё одной крепостной заставы, утыканной острыми сталагмитами вместо частокола. Здесь было пустынно. Стражник у дальней арки, угрюмый и молчаливый, лишь протянул руку. Хруст подал ему медную пластинку. Тот бегло глянул, кивнул и, повернув массивный железный рычаг, приоткрыл небольшую, узкую дверцу в стене. Не пройти – именно пролезть.

Хруст протиснулся наружу. Дверца с тяжёлым, окончательным стуком захлопнулась за его спиной, отрезав путь назад. И вот он стоит на мощёной дороге, которая, теряясь во мраке, уходит куда-то в чашу гигантских, похожих на ока-

меневшие кораллы, грибных лесов. Тишина здесь была иной – не пещерной, гулкой, а густой, вязкой, нарушаемой лишь далёким, незнакомым скрежетом.

Из опыта беты он знал сухую схему: следовало отойти от крепости и дороги метров на сто, в зону активного спавна пассивной дичи. Если не догнать оленя или не подстрелить зайца с первого раза, на запах крови или просто на одинокого новичка быстро выйдут волки. Убить десяток – и второй уровень гарантирован. Чистая математика. Формула начального выживания.

«Десять волков, – мысленно повторил он, пытаюсь заглушить тихий, навязчивый вопрос о глазах торговки. – Просто десять волков». Он сжал рукояти кинжалов и шагнул с дороги в сизую, колышущуюся мглу подлеска, где уже мерещилось движение.

Хруст углубился в чащу. Место было пустынным, лишь изредка в ветвях гигантских грибов-деревьев мелькали тени крупных, незнакомых птиц. Попытавшись сбить одну метким броском кинжала, он лишь беспомощно наблюдал, как клинок, бесполезно сверкнув, исчез в густой сизой листве. Следующие десять минут он, сторбившись, ползал по влажному мху, шаря руками в траве. И громко, с настоящей, житейской злостью выругался, когда наконец нащупал холодную рукоять. Это была унижительная трата времени.

И тут его взгляд упал на небольшую полянку. Там, разрывая землю, копошилось семейство кабанов. Животные бы-

ли огромны, покрыты жёсткой, свалывшейся щетиной цвета запёкшейся земли. Они громко хрюкали и повизгивали, и звук этот был до того плотным и реальным, что на мгновение перекрыл тишину леса. Он осторожно, как учили в бетке, подкрался ближе, оценивая уровни. Самый крупный – пятый. Идеальная цель. Тактика была выверена до автоматизма: занять позицию у дерева, спровоцировать атаку, в последний момент отскочить в сторону, позволив твари врезаться в ствол, и добить. Чистая механика.

Но кабаны заметили его раньше. Молодые, с визгом, разбежались в панике. С пятым уровнем, лишь медленно поднял тяжёлую голову. Его маленькие, заплывшие жиром глаза налились тупой, алой яростью. Он глухо фыркнул, выпуская клубы пара в холодный воздух, издал пронзительный, раздирающий визг и ринулся вперёд. Это был не игровой спрайт,двигающийся по прямой, – это был разъярённый, полутонный снаряд из мышц, щетины и грязи.

Хруст едва успел отпрыгнуть в сторону, подняться и отскочить снова. Кабан оказался чудовищно быстрее и живее, чем в его памяти. На третий раз расчёт подвёл. Острая, невыносимая боль пронзила ногу выше колена. Он увидел, как грязный клык вошёл в его плоть, и услышал противный, влажный звук. Кабан торжествующе завизжал, почуяв кровь, и начал бешено мотать головой, пытаясь поддеть и разорвать добычу.

Инстинкт оказался сильнее боли. Хруст, сдавленно

вскрикнув, повалился вперёд, навстречу зверю, и вцепился одной рукой в густую, вонючую щетину. Другая рука сама выхватила кинжал. Он не целился, просто бил, с отчаянием загнанного зверя, туда, где под кожей должно было биться сердце, – в бок, в живот, снова и снова. Пронзительный визит оглушил его. Кабан, почувствовав новую боль, рванул прочь, таща на себе вцепившегося дроу, ломая кусты, топча папоротники. Мир превратился в карусель из тьмы, боли и ярости. После нескольких ударов, бешеный бег сменился на шагающую поступь, затем на спотыкание. С гулким стоном кабан рухнул на бок, сдавив на мгновение ногу Хруста.

Преодолевая тошноту и боль, он снял ногу с окровавленного клыка и отполз. Только теперь, глядя на рваную рану и хлещущую из неё тёмную кровь, он заорал, что было сил, в пустой, безразличный лес: «ЧТО ЗА ХЕРНЯ?! А?!»

Он точно помнил – в бете такого не было. Там был урон, отнимающий цифры. Здесь была боль, передаваемая тупым импульсом через шлем, и жгучее, пульсирующее ощущение в самой ноге. И в углу зрения, как приговор, возникла новая иконка – «Кровотечение» – а зелёная полоска жизнью, уже упавшая ниже половины, продолжала неумолимо иссекать, тая с каждым ударом сердца.

В панике он выхватил один из пяти флаконов с зельем здоровья, вырвал зубами пробку и выпил залпом. Жидкость была безвкусной, лишь давала лёгкое ощущение тепла, растекающегося по телу. Полоска здоровья дрогнула и подня-

лась до 80%. Но истекать она не перестала. Дебафф «Кровотечение», алый и неумолимый, всё так же висел в углу зрения. И только тогда в голове что-то щёлкнуло, холодно и ясно: этот мир был куда реальнее, чем бета-версия. Здесь цифры не отменяли физику биологию. Кровь нельзя было остановить магией бутылочки – рану нужно было перетянуть.

Он вспомнил смутные уроки по оказанию первой помощи из школьного курса ОБЖ. Скорчившись от боли, он оторвал лоскут от стартовой рубахи – ткань разошлась с сухим треском. Дрожащими руками, стиснув зубы, он наложил жгут выше раны, затянул узел. Дебафф мигнул и сменился на другой: «Глубокая рана. Возможно заражение. Скорость передвижения снижена на 40%». Боль не ушла, но стала тупой, фоновой. А главное – полоска жизни замерла, перестав тянуть.

Хруст сидел, прислонившись спиной к холодной чешуйчатой коре гриба-дерева, рядом с ещё тёплой тушей кабана, и экспериментировал. Второй флакон он осторожно плеснул прямо на перевязанную рану. Ничего. Жидкость просто стекла по ткани, не давая ни облегчения, ни эффекта. Тогда он допил остатки. Тепло разлилось вновь, и шкала здоровья медленно, неохотно доползла до отметки в 100%. Рана не затянулась – она лишь перестала угрожать жизни. Система работала с жестокой, бухгалтерской логикой: здоровье восполнено, но состояние осталось.

Он открыл мини-карту и почувствовал, как внутри всё

сжимается от бессильной ярости. Маленькая иконка его персонажа находилась не в паре сотен метров от крепости, а в густой чаще, пересечённой зигзагом безумного пути. Подранок протащил его на своей спине сквозь бурелом, чащобу и овраги – на целых два километра вглубь незнакомой территории. И ещё большее возмущение вызвала другая цифра: опыт за убийство кабана пятого уровня, составил жалкие гроши, едва перевалившие за три процента от прогресс-бара. Риск, боль, потраченные ресурсы – и всё это стоило меньше, чем сбор десяти кусков руды.

Делать, однако, было нечего. Он с тоской посмотрел на тушу. Её нужно было разделать и тащить обратно – хоть какая-то компенсация. При попытке собрать лут, система холодно оповестила: «Отсутствует навык: «Разделка». Вы получите лишь 30% от возможных ресурсов». Его глаз дёрнулся в нервном тике, знакомом по долгим ночам перед монитором. «Но и этого должно хватить», – мысленно проскрипел он, касаясь ладонью ещё тёплого бока кабана и подтверждая действие.

Процесс был быстрым и без образным. Не было анимации аккуратной разделки – туша просто распалась на частицы света, а его инвентарь отяжелел. В нём оказалось примерно 50 килограммов мяса, несколько бесформенных потрохов и два грязных, окровавленных клыка секача.

Лут. Цифровой улов. Он встал, опираясь на дерево, и почувствовал, как повреждённая нога отзывается тяжёлой, но-

ющей болью при каждом шаге. Путь обратно, под грузом, с дебаффом на скорость, обещал быть долгим и унижительным. Лес вокруг, уже не казавшийся просто игровой локацией, смотрел на него молчаливой, равнодушной угрозой.

Путь обратно был долгим, болезненным и до унижения утомительным. Каждый шаг отдавался тупой болью в ноге, отягощённой десятками килограммов виртуального мяса. Тропа вилась без жалости, вверх, к свету. Он встретил пару других игроков, выбравшихся за ворота, но те лишь скользнули по нему взглядом, полным собственных забот, и прошли мимо, не замедляя шага. Здесь не было места солидарности новичков – только чужая спешка.

К форту он подполз, когда настоящее солнце, слепящее после полумрака леса, начало клониться к верхушкам деревьев, отбрасывая длинные, косые тени. Перевалившись через узкий проход в сиене, он рухнул на утопанную земляную площадку внутреннего двора, глотая свежий воздух, который теперь казался обжигающим. В груди горело огнём.

– Ты в порядке? – голос прозвучал прямо над ним, негромко и без особой тревоги.

Хруст поднял голову. Над ним стоял тот же угрюмый стражник. В свете заката его лицо казалось ещё более грубым и пронизанным морщинами.

– Почти... – хрипло выдавил Хруст, потирая бедро, где под свежей повязкой пульсировала рана. – Если не считать того, что чувствуешь себя мешком с картошкой, который

пнули.

Стражник молча оценил его вид: порванная, в грязи и крови одежда, бледное лицо.

– И как же тебя так угораздило? – спросил он, скрестив руки на груди. В его тоне было не любопытство, а скорее профессиональная оценка ущерба.

– Кабан. Будь он неладен. Пятый уровень, – выдохнул Хруст, закрывая глаза.

Брови стражника медленно поползли вверх. Это было почти незаметное движение, но в его обычно каменном лице оно означало целую бурю.

– Пятый? Один? – уточнил стражник, и в его голосе впервые прозвучало лёгкое, сухое удивление. – И что с ним?

– Часть его у меня в инвентаре, – Хруст с трудом приподнялся на локти и, покопавшись в интерфейсе, материализовал в руке один из окровавленных клыков.

Стражник взял трофей, повертел в руках, провёл пальцем по зазубренному краю, оставленному на кости.

– Бил его снизу вверх, в живот, когда он уже нёс меня на себе, – констатировал Хруст.

Стражник вернул клык. Потом повернул голову и крикнул в открытую дверь постройки:

– Сули! Выйди, посмотри на этого дроу. Окажи помощь, а то он так истечёт или подцепит гангрену в этой грязи.

Из прохладной тени внутри здания, словно из самой темноты, выплыла фигура. Невысокая, стройная дроу-женщина

в простом тёмном одеянии, с сумкой-кошель через плечо. Её движения были бесшумны и точны. Она не сказала ни слова, лишь кивком велела Хрусту следовать.

Внутри, в небольшой комнатке, пахнувшей травами и дымом, он, сидя на деревянной лавке, пересказал историю заново – уже без бравады, с сухими подробностями: разбег, промах, клык в ногу, отчаянная схватка. Пока он говорил, Сули молча готовила что-то, растирая листья в ступке. И в самый момент, когда он закончил фразой «... а потом он просто рухнул», в углу зрения возникло новое, незнакомое системное сообщение: «+1 к уважению клана «Таящиеся в Тени». Текущий статус: Нейтрален (1/100)»

Хруст чуть не присвистнул, но вовремя сдержался. Ещё одна новая механика. Репутация. Не с гильдиями, а с целыми кланами. Этого в бете и близко не было.

Сули, закончив готовить пасту, наконец заговорила. Голос у неё был низким, ровным, без эмоций, как у хирурга:

– Кровь остановил верно. Но рана глубокая, грязная. Малое зелье лишь восстановит здоровье, но не исцелит плоть, и не очистит её. Тебе нужно противовоспалительное и, возможно, противоядие, если клыки были ядовиты. Всё это можно купить в лавке у торговки грибами, в нижнем городе. У Лианы.

– Эта... с янтарными глазами? – неосознанно, почти рефлекторно, уточнил Хруст.

И система отозвалась мгновенно: «+1 к уважению клана

«Таящиеся в Тени». Текущий статус: Нейтрален (2/100)»

Сули, наносящую пасту на его рану, это не остановило. Но её тонкие пальцы на миг замерли. Она медленно подняла на него взгляд. В её тёмных, почти чёрных глазах не было ни удивления, ни укора – лишь глубокая, оценивающая заинтересованность, как у учёного, заметившего неожиданную реакцию в эксперименте.

– Да, – просто сказала она, и больше не добавила ни слова, вернувшись к перевязке.

Через несколько минут всё было кончено. Боль притупилась до терпимой тяжести, дебафф «Глубокая рана» сменился на более мягкий «Травма». Скорость передвижения всё ещё была снижена, но теперь он мог ходить, а не ковылять.

Выйдя во двор, он увидел того же молчаливого стражника.

– А где тут можно мясо пожарить? – спросил Хруст, ощущая тяжесть инвентаря.

На лице стражника, обычно неподвижном, как камень, расплзлась медленная, хитрая ухмылка.

– Можно и здесь, – буркнул он и, не поворачиваясь, крикнул в сторону прохода небольшой башни: – Фирон! Тащи жаровню. И лавку для гостя.

Минуту спустя из темноты дверного проёма материализовался ещё один друу, безмолвный и широкоплечий. Он с ловкостью, говорящей о долгой практике, установил на землю переносную железную жаровню, принёс меха для розжи-

га и плоский камень, служивший столом. Раздутые угли заалели, как кусок закатного неба, брошенный в металлическую чашу.

Стражник взял у него несколько кусков мяса. Его движения были экономичны и точны, грубый нож в его руках разделявал мясо не на куски, а на идеальные порции. Он натирал их травами из небольшого мешочка на поясе, щедро посыпал солью и укладывал на решётку. Шипение и запах, невероятно плотный, настоящий, мгновенно наполнили вечерний воздух. Через минуту мясо было готово – покрыто хрустящей корочкой, сочась соком.

Хруст инстинктивно потянулся за ближайшим куском, но стражник остановил его жестом. Он снял с огня сразу четыре куска, положил их на каменную плиту и... они просто растворились в воздухе. Без звука, без спецэффектов. Исчезли. Следующая партия повторила их судьбу. И следующая. Стражник работал как автомат, спокойно и методично: разжечь, приготовить, отправить в небытие.

– Куда... – начал Хруст, но стражник, не отрываясь от жаровни, прервал его: – Здесь, в карауле, нас два десятка. А ты видел только троих. Им тоже ужин нужен.

В его голосе звучала простая, бытовая логика солдатской кухни. Он бросил на огонь новую порцию. На этот раз, когда мясо было готово, он кивнул Хрусту:

– Эти твои. Бери, пока горячие.

И в этот момент система отозвалась неожиданным, тёп-

лым звонком и сообщением в углу зрения: «+3 к уважению клана «Таящиеся в Тени». Текущий статус: Нейтрален (5/100)».

Хруст взял кусок. Он обжёг пальцы, но это было приятно. Вкус был ошеломляющим, не просто «эффектом», а настоящим, сложным букетом: дым, соль, дикие травы, плотная, волокнистая текстура дичи. Он никогда в жизни не ел ничего подобного, ни в реальности, ни в виртуальности. Это была не еда, а событие.

– Спасибо, – сказал он искренне, с полным ртом. – Это... невероятно.

Стражник, закончив свою работу, вытер руки о кожаные штаны и протянул одну из них Хрусту. Его ладонь была твёрдой, покрытой старыми мозолями.

– Зови меня Вилс, – произнёс он. Ухмылка сменилась на что-то вроде сдержанного, одобрительного выражения.

На этой странно тёплой, человеческой ноте, Хруст с приятной тяжестью в желудке и новой, тихой уверенностью внутри, повернулся и вошёл в зев мрачного тоннеля, ведущего обратно в подгорный городок. За его спиной потрескивали угли, и слышался тихий, довольный смех Вилса, что-то говорившего появившемуся Фирону. Тень от крепостной стены легла на него, но теперь в ней не было прежней угрозы. В ней была... просто тень. И где-то в ней, невидимые, ждали своего ужина ещё семнадцать «Таящихся в Тени».

Хруст вернулся в городок. Стражник на главных воротах

лишь на миг материализовался из тени, проводил его долгим, непроницаемым взглядом и снова растворился, не произнеся ни слова. Тишина за его спиной была красноречивее любых предупреждений.

Но внутри царило нечто иное. Не тишина, а гул. Гул отчаяния. Городская площадь, ещё недавно бурлящая деловой суетой новичков, напоминала сейчас поле после странной битвы. Десятки игроков сидели, стояли, лежали где попало – на камнях, у стен, прямо на земле. Они смотрели в пустоту рыбьими, остекленевшими глазами, уставясь в одну точку перед собой, будто читали невидимый, ужасный текст.

Из дверей таверны временами вырывался дикий, истерический хохот, больше похожий на вой. Кто-то внутри, судя по звукам, бил посуду и орал, срывая голос, – радовался чему-то невозможному. У края пропасти, ведущей в нижние ярусы пещер, стояла небольшая, молчаливая очередь. Игроки по одному шагали вниз, разбивались о камни с призрачным хрустом, а через минуту возникали у камня воскрешения – бледные, с пустыми лицами – и снова шли к обрыву. Это был бессмысленный, механический конвейер самоуничтожения.

В углу, свернувшись клубочком, сидела девушка и монотонно, без слёз шептала что-то, проклиная мир, богов, разработчиков и день, когда надела шлем. Никто не пытался выполнять квесты. Никто не торговался у лотков. Весь огромный, многоуровневый механизм игры встал.

Хруст подошёл к одному из игроков, сидевшему спиной к стене с пустым взглядом.

– В чём дело? Что здесь происходит? – спросил он, и его собственный голос прозвучал неестественно громко в этой давящей тишине.

Игрок медленно, будто с огромным усилием, перевёл на него взгляд. Его глаза были красными от напряжения.

– Сам проверь, – хрипло бросил он. – Игровое меню. Посмотри.

Ощувив холодный комок в груди, Хруст мысленно вызвал знакомое синее полупрозрачное окно. Он бегло пробежался по строкам, стараясь сохранить спокойствие: Настройки интерфейса... Инвентарь... Приватность... Создание группы... Мини-карта... Журнал достижений...

Всё на своих местах. Всё знакомо. Он уже начал выдыхать, когда его взгляд упал на соседа – другого игрока, смотревшего на него с горькой, кривой усмешкой.

– И что? Всё в порядке? – спросил тот, и в его голосе звучала ядовитая надежда, что вот сейчас ещё один поймёт.

– Да вроде... Всё норм, – неуверенно сказал Хруст, уже чувствуя подвох.

– И «выход» есть? – игрок произнёс это слово с таким отчётливым, леденящим ударением, что у Хруста похолодели пальцы.

Он снова рванулся взглядом к списку. Прокрутил его сверху вниз, медленно, вчитываясь в каждую строчку. Кноп-

ки «Выход» не было. Он пролистал ещё раз, отчаянно, мысленно взывая к системе: – Может, она переместилась? Может, это новый интерфейс?

Но нет. Там, где всегда, в самом низу, в углу, должна была гореть успокаивающая, зелёная кнопка «Завершить игру», зияла пустота. Просто пустая строка. Как вырванная страница. Как отрезанный провод.

Словно разряд тока, не виртуальный, а самый настоящий, пронзил его тело от пяток до макушки. В ушах зазвенело. Городская площадь поплыла перед глазами.

Кнопка выхода отсутствовала.

Глава вторая.

Прошло больше двух недель. Время здесь текло с той же неумолимой, стабильной скоростью, что и в старом мире, отмеряя одинаковые виртуальные часы, и это было самым страшным.

Первые три дня Хруст провёл в личной комнате таверны, захлопнувшись как раковина. Он не метался. Он работал. Его сознание, включилось в режим тотального анализа. Он досконально изучил каждую строчку меню, каждый подпункт, тыкался в каждый неактивный значок, пытаясь вызвать хоть какой-то отклик. Он отправлял в пустоту сообщения техподдержке, мольбы, команды, ругательства. Ответом была лишь тишина системы – не вражеская, а безразличная, как тишина заброшенного дома.

Выйдя на четвёртый день, он увидел, что паника сменилась разными формами отчаяния. Одни игроки, замерли в ступоре. Другие, оставив надежду на скорое разрешение, взяли в руки оружие и ушли из города – воевать, исследовать, искать ответы в глубинах игрового мира. Третьи сбились в первые стихийные кланы, пытаясь методом проб и ошибок найти лазейку, баг, создателя. Их лица стали сосредоточенными, почти профессиональными. Но пока – безрезультатно.

Хуже всего было смотреть на тех, кто не выдержал. Несколько игроков просто... отключились. Они сидели или ходили по городу с пустыми, блуждающими глазами, что-то бессвязно бормоча. Их сознание, похоже, предпочло уйти в бред, чем принять реальность. Один из кланов, назвавшийся «Опека», взял их на попечение – кормил, отводил в безопасные места. Это был странный, трогательный и жуткий акт милосердия в мире, где всё перевернулось.

Теорий среди оставшихся в здравом уме было множество. «Глюк сервера» – самое популярное и удобное объяснение. «Оцифровка сознания, мы на резервном сервере» – звучало научно и оттого чуть менее пугающе. «Инопланетный эксперимент», «Божья кара», «Сон» – варианты плодились, как грибы, у каждого находились свои адепты.

Но Хруст, будучи бета-тестером, видел корень. Этот мир не был игрой. Он был другим. Механики в нём жили по странным, двойным стандартам: где-то царила жестокая, по-

что физиологичная реалистичность (боль, кровь, потребность в настоящем лечении), а где-то – лишь усложнённая, но всё та же игровая абстракция (инвентарь, квесты, уровни). Это был не апгрейд. Это была гибридизация. Как будто две реальности – игровая и какая-то иная – наложились друг на друга и начали бороться за право определять законы.

Лично он придерживался самой простой и потому самой ужасной теории. Его тело лежит на старом бабушкином диване, в доме под сенью сибирских сосен. Шлем на голове. Эта мысль первые дни давала слабый луч надежды: вот-вот придут, отключат, спасут.

Но шли дни. Неделя. Вторая. Начинался семнадцатый день.

За это время в старом мире он должен был умереть. От обезвоживания. От голода. От отказа органов. Даже в самом оптимистичном сценарии, если бы его нашли и перевезли в больницу, его сознание должно было отключаться, для процедур, из-за медикаментозного сна, просто из-за слабости тела. Он прислушивался к себе с маниакальным вниманием, ловя малейший намёк на сбой, на затемнение, на отключку. Ничего. Его сознание текло здесь ровной, непрерывной, пугающе ясной рекой.

Это означало только одно. Связь с тем телом на диване – либо разорвана навсегда, либо работает по законам, которые ему неизвестны. И то, и другое было равнозначно приговору. «Попадос» – мрачно шутили игроки, называя первый

день. Хруст стоял у окна своей комнаты в таверне, глядя на вечно тусклый свет кристаллов в своде пещеры. Он не «попал» в игру, но остался не в ней. На семнадцатый день началась его новая жизнь. Пора было выходить. Не за ответами – их, возможно, и не было. А за тем, чтобы просто жить в этом странном, двойном мире. И первым шагом, как он решил ещё вчера, будет визит к торговке грибами. К Лиане. У него для неё был вопрос, который теперь звучал иначе. Не «почему ты так себя ведёшь?», а «что ты такое? И что такое этот мир?».

Он взял со стола свой последний, бережно хранимый флакон зелья, поправил кинжалы и вышел из комнаты. Шаг его был твёрдым. Паника кончилась. Начиналось выживание.

Лавка торговли оказалась закрытой. Тяжёлая деревянная дверь была заперта, и на ней висела табличка из грубо выделанной коры, значение которой он не знал. Хруст постоял в нерешительности, чувствуя глупое разочарование. Планы, даже такие простые, рушились сразу.

– Ищете Лиану? – раздался сзади ровный голос.

Он обернулся. Перед ним стоял пожилой дреу-ремесленник, с мерой для ткани в руках, и смотрел на него не с подозрением, а с простым любопытством.

– Да... Она будет?

– В это время её найдешь в «Пузатом бочонке». Со своими, – ремесленник кивнул в сторону одной из узких улочек, ведущих вглубь скалы, – за кружкой чего-нибудь тёплого.

Хруст поблагодарил его, и старик, кивнув, продолжил свой путь, будто указывать путь заблудившимся было его обычным делом.

Вывеска таверны «Пузатый бочонок» действительно была вырезана в форме пузатой, почти круглой бочки, из которой словно сочился свет. Внутри царила непривычная тишина – не мертвая, а приглушённая, домашняя: потрескивание огня в очаге, тихий перезвон посуды из-за стойки. Запах тушёного мяса, дыма и хмеля висел в воздухе густым, почти осязаемым покрывалом.

Он огляделся. И почти сразу увидел их.

За угловым столом у дальней стены, в сгущающейся там тени, сидели трое. Лиана, Вилс и Сули. Это было странное зрелище: Вилс без своих тяжёлых доспехов, в простой, поношенной рубаше, выглядел меньше и... обычнее. Сули, в тёмном платье, скорее домохозяйки, чем лекаря, тихо что-то говорила. А Лиана, положив подбородок на ладонь, слушала, и её янтарные глаза в свете свечей казались не игровыми огоньками, а просто глазами – уставшими, задумчивыми.

Вилс заметил его первым. Он не вздрогнул, не изменился в лице, лишь поднял взгляд, встретился с Хрустом глазами и подозвал его простым движением кисти – «проходи, садись». Это было лишено всякой игровой церемонии.

Хруст подошёл и опустился на свободную скамью. Дерево было гладким, отполированным временем. Сидеть здесь, среди них, чувствовалось не как квестовое событие, а как

случай в гостях.

– Эй, подавальщица! – не повышая голоса, бросил Вилс через залу, – ещё одного гостя накорми. И наш кувшин долей.

Через мгновение на столе появилась глиняная кружка для Хруста и новая тарелка с дымящимся рагу. Мясо пахло знакомо – так же, как тогда у костра.

– Ну что, путник? – Вилс налил ему из кувшина тёмное, тягучее пиво. – Давно тебя не было видно. Как нога? И... вообще как?

Вопрос прозвучал с такой простой, бытовой заботой, что Хруст на секунду растерялся.

– Нога... в порядке. Зажило. Спасибо, Сули, – он кивнул лекарке. Та ответила лёгким наклоном головы.

– Не за что благодарить, – тихо сказала Сули, пристально глядя на него. Её взгляд был профессиональным, оценивающим, как в день перевязки. – Ты лучше скажи... что случилось с остальными? Такими как ты?

– Такими... как я? – переспросил Хруст, откладывая ложку.

– Ага, – подтвердила Сули, обводя взглядом стол. Вилс и Лиана смотрели на него с одинаковым вниманием, – вы иные. Мы знали, что вы придёте. Собственно, для этого мы тут и есть. Но мы... не ожидали, что всё пойдёт так.

Лиана вздохнула и подхватила, её голос был тише обычного, почти усталым: – Сначала всё шло по плану. Вы появля-

лись, брали квесты, охотились, сновали по нашим улочкам. А потом... – она сделала паузу, ища слова, – потом вы словно прозрели. Или ослепли. Одни застыли, как статуи, глядя в пустоту. Другие стали кричать, рыдать, прыгать в пропасти. А третьи... ушли и не вернулись. Что... что произошло?

Они задавали вопросы не как скриптовые персонажи, ждущие ключевого слова. Они спрашивали как люди, столкнувшиеся с необъяснимой катастрофой в своём доме.

От этого потока, от признания «мы знали, что вы придёте», от простого слова «произошло» – в голове у Хруста с тихим, почти механическим щелчком сошлось несколько разрозненных фактов. Их знание. Их «ожидания». Их... растерянность перед поведением игроков.

Он не ответил сразу. Он взял кружку, сделал глоток. Напиток был горьковатым, с послевкусием мха и кореньев. Настоящим. Затем он медленно, очень осторожно, глядя в безопасную точку на столе, начал говорить.

– А что... если мы не «пришли»? – прозвучал его голос, тихий, но чёткий в тишине, – что, если мы здесь... застряли?

– Это ещё как? – вопросы Вилса и Сули прозвучали почти в унисон. Вилс наклонился вперёд, его мощные руки упёрлись в стол. Сули замерла, не мигая, а Лиана сжала пальцы вокруг своей кружки.

Хруст отпил ещё глоток горького пива, давая себе время собрать мысли. Рассказывать им всё – это было как объяснять аборигену устройство космического корабля.

– Наш мир... отличается от вашего, – начал он медленно, подбирая слова, как хрупкие инструменты, – но в чём-то... очень похож. Мы тоже чувствуем боль. Испытываем гнев, радость, тоску. У нас течёт кровь, если нас ранят. Но в нашем мире есть только одна раса – люди. Нет эльфов, орков, дроу. Нет магии. Всё, что мы имеем, построено на науке и железе – машины, сложные механизмы, компьютеры...

Он сделал паузу, смотря на их лица, пытаясь уловить понимание. Они слушали, не перебивая, но в их глазах плескалось море вопросов.

– В нашем представлении ваш мир – всего лишь игра. Развлечение. Так я и думал с самого начала. Я даже участвовал в её создании – был одним из первых, кого пустили сюда, в «бета-тест». И когда вернулся снова, то ожидал, что всё будет как раньше... – Хруст обвёл взглядом троих, и его голос стал твёрже, – но этот мир оказался другим. Совсем другим.

Он повернулся к Лиане, и она невольно откинулась, словно от его взгляда.

– Взять хотя бы вас. Для нас вы должны были быть... НПС. Не игровыми персонажами. Функцией. Вы даёте задания, мы их выполняем, вы платите монеты. Всё. Но я помню нашу первую встречу...

Хруст видел, как щёки Лианы вновь окрасились румянцем, но теперь это не казалось милым. Это было проявлением чего-то глубокого, настоящего.

– Вы оказались не бездушным алгоритмом. Вы отреагиро-

вали на мою глупость с раздражением, смущением. Вы были... живой.

Затем он коснулся бедра, где когда-то была рана.

– Потом кабан. И эта рана. Боль была не просто цифрой. Она была настоящей. Кровь нужно было останавливать тряпкой, а не магией пузырька. А потом... – он выдохнул, и в его голосе впервые зазвучала та самая, до сих пор скрываемая, горечь, – потом мы все узнали, что выхода из этого мира нет.

Слова повисли в воздухе, тяжелые, как свинец.

– Мы, те, кто называет себя «игроками», застряли здесь. Мы должны были приходиться и уходить. Но дверь захлопнулась. И ключ потерян. Именно поэтому началась эта... суэта, этот ужас на площади. Представьте, что вам дали заглянуть в чудесную, иную страну, но не сказали, что билет – в один конец. – Его голос дрогнул, – многие оставили там семьи. Матерей, отцов... детей. Жён. Мужей. Друзей. Каково должно быть матери, которая понимает, что её сын, её дочь, возможно, навсегда исчезли, а она в каком-то цифровом кошмаре? Как должен вести себя человек, который в один миг лишился всего, и пути назад – нет?

Он посмотрел на свои руки – тонкие, синеватые пальцы дроу, которые не были его руками.

– А кто-то... ликовал. Не потому что сошёл с ума. А потому что у них не было ничего в том старом мире. И здесь, в этом «невозвратном», у них появился шанс. На новую жизнь. На то, чтобы начать всё с чистого листа. Строить заново.

Пусть даже в мире, который они не понимают.

Он замолчал, исчерпав слова. Рассказ закончился. За столом воцарилась тишина. Но это была не пустота. Она была густой, насыщенной, как бульон, в котором варятся тяжелые мысли. Слышно было лишь потрескивание поленьев в очаге да далёкие шаги подавальщицы.

Вилс первый нарушил молчание. Он медленно откинулся на спинку скамьи, и его лицо, обычно грубое и насмешливое, стало вдруг старым и очень уставшим.

– Значит, – произнёс он хрипло, – вы не исследователи. Не посланцы. Не духи. Вы... беженцы.

Сули закрыла глаза на долгую секунду. Когда открыла, в них читалось не сочувствие, а скорее холодное, профессиональное осознание масштаба катастрофы.

– Застряли, – повторила она, как врач, констатирующий неизлечимый диагноз, – и не знаете, как жить теперь здесь.

Лиана не сказала ничего. Она сидела, опустив голову, и смотрела на свои сцепленные пальцы. Потом подняла на Хруста взгляд. В её янтарных глазах не было ни страха, ни отторжения. Была странная, глубокая печаль. И что-то ещё, что он не сразу смог распознать.

– Ты сказал, – тихо начала она, – что для тебя я была всего лишь функцией. А для тебя теперь... Что я?

Взгляд Хруста утонул в кружке с тёмным пивом. Вопрос Лианы повис в воздухе острым, неразрешимым клинком.

– Я... даже не знаю, кто я, – пробормотал он в ответ, и

от этой мысли внутри всё съёжилось, стало тошнотворно-пустым. Он был никем: не Максимом Обуховым из сибирского городка, не умелым игроком, а лишь застрявшим сознанием в чужом теле.

– Это дело поправимое, – рявкнул Вилс, стукнув кружкой по столу так, что пиво расплескалось.

– Ты что это удумал? – завелась Сули, её сдержанность испарилась, как капли на раскалённом камне, – сначала вскружил голову моей сестре, а теперь решил слинять под шумок, уткнувшись в свою тоску?

Её взгляд, обычно аналитический, теперь метал искры. Хруст с удивлением осознал родственную связь: да, в чертах лица было что-то общее.

Вилс схватил её за запястье – не грубо, но твёрдо.

– Уймись. Не видишь, парень сам не свой, сам не знает, куда ему деваться. Дай мне время хоть дурь из его башки выбить.

Он перевёл тяжёлый, пронизывающий взгляд на Хруста, – завтра на рассвете. Жду у казармы. Будь готов к труду. А сейчас... – он развёл руки, охватывая взглядом стол, – хватит философии. Мы пришли отдыхать. Пить. Есть.

И атмосфера сменилась. Следующие два часа Вилс с Сули засыпали Хруста вопросами – не о метафизике заточения, а о странностях его мира. «Как ваши машины движутся без магии?», «А что такое “компьютер”?», «Как вы лечите болезни без зелий?». Хруст отвечал, сбивчиво, упрощённо, и это

было похоже на терапию. Казалось, все забыли про вопрос Лианы. Все, кроме него самого. Он сидел рядом, молчаливая и притягательная загадка, а её слова «а для тебя теперь что я?» продолжали тихо гореть в его сознании, как незатухающий уголёк.

Выпив изрядно, и обнаружив, что опьянение здесь ощущается с пугающей, головокружительной реальностью, Хруст вдруг встал и, словно ведомый смутной ностальгией, прошёл за стойку, в душную, пропахшую дымом и жиром кухню. Трактирщик, коренастый дру с вечным подозрительным взглядом, начал возражать, но Хруст, забыв про сдержанность, заговорил быстро, убедительно, чертя пальцем в воздухе схемы.

– У вас есть мука? Яйца? Эти кислые томаты? Сыр? И мясо, любое, тонко нарезанное!

В меню были лишь простые, сытные блюда: пироги с рыбой или мясом, сладкие с ягодами. Хруст, чётко руководя действиями изумлённого трактирщика, как дирижёр неумелым оркестром, создал нечто иное.

Он раскатал тесто в тонкий круг, смазал его пюре из пещерных томатов, густо усыпал тертым козьим сыром, уложил поверх ломтики вяленой пещерной крысы, напоминавшей бекон.

Трактирщик сначала косился на это безумие пьяного пришельца, но когда блюдо отправилось в печь, а затем было извлечено оттуда с румяной, пузырящейся корочкой и умопо-

мрачительным запахом, его скепсис сменился на благоговейный трепет. Он даже поклонился Хрусту, когда тот разрезал творение на треугольники.

Это была первая пицца, приготовленная в этом мире. И в тот же миг трактирщик увидел, как в углу зрения на долю секунды вспыхнула золотая иконка. Достижение получено: «Новатор кулинар».

Новое блюдо произвело в таверне фурор. Запах, странный и соблазнительный, привлёк остальных немногочисленных посетителей. Вскоре от заказов уже не было отбоя. А Хруст, вернувшись к своему столу, с наслаждением, граничащим со слезами, ел кусок за куском. Это был вкус старого, потерянного мира. Вкус пиццы из доставки, съеденной за просмотром сериала в его бабушкином доме. Вкус нормальности, которую он, возможно, больше никогда не увидит, но которую ему удалось, хоть и в таком странном виде, воссоздать здесь и сейчас.

Он поймал на себе взгляд Лианы. Она смотрела не на пиццу, а на него. И в её глазах уже не было печали или вопроса. Был тихий, внимательный интерес. И что-то ещё, похожее на понимание. Он сумел создать кусочек своего мира в её мире. И этим, кажется, ответил на её вопрос куда красноречивее любых слов.

Глава третья.

Утром следующего дня, с тусклой, пульсирующей болью

за глазами – похмелье было, к его удивлению, вполне физическим, но терпимым, – Хруст прибыл к казармам. Воздух в пещере был прохладным и сырым, пахнул влажным камнем и древесным дымом.

На площади перед массивными каменными воротами уже стоял строй. Два десятка друу в лёгких тренировочных доспехах. Вилс, в своей обычной походной одежде, прохаживался перед ними, отдавая распоряжения низким, отрывистым голосом, лишённым вчерашней развязности. После его последней команды бойцы не просто разошлись – они синхронно шагнули в сторону и буквально растворились в воздухе, словно их и не было. Это было не игровое исчезновение, а часть их ремесла – бесшумное, мгновенное слияние с окружающей средой.

– Готов? – спросил Вилс, подойдя. Его взгляд был деловым, оценивающим.

Хруст только кивнул, подавив остатки тошноты. Они прошли через арку во внутренний двор. Это была просторная, вытянутая площадка для тренировок, усыпанная мелким, утоптаным песком. Вдоль стен стояли ободранные деревянные манекены и стойки с оружием. С одной стороны находился ряд мишеней для стрельбы из лука – изъеденные стрелами щиты с нарисованными контурами. Атмосфера царила спартанская, строгая.

На низком деревянном помосте у дальней стены сидел старый друу. Он был скрючен, как древний корень, скрестив

тонкие, костлявые ноги под собой. Голова его была совершенно лысой, кожа – тёмно-синей, испещрённой глубокими морщинами, как высохшее русло реки. Густые, совершенно белые брови нависали над закрытыми глазами. Он медленно, с церемонной точностью, подносил к тонким, бескровным губам маленькую пиалу, из которой валил пар. Его движения были до странности плавными и экономичными, лишёнными малейшего лишнего усилия.

– Мастер Кан! – окликнул Вилс, и в его голосе прозвучало нечто, чего Хруст раньше не слышал: безоговорочное уважение, граничащее с почтительностью.

– Чего тебе? – хриплый, но удивительно громкий и чёткий голос старика прозвучал, не нарушая тишины двора. Он даже глаз не открыл.

– Нового привёл. Обучи, если выйдет, – отчеканил Вилс, стоя по стойке «смирно». Хруст наблюдал метаморфозу: вальяжный, ироничный стражник исчез, превратившись в солдата, отчитывающегося командиру.

Мастер Кан медленно открыл глаза. Они были такого же янтарного цвета, как у Лианы, но потускневшие, словно покрытые лёгкой дымкой возраста. Он перевёл взгляд с Вилса на Хруста, обратно на Вилса. Повисла долгая, тягучая пауза, в которой было что-то от взвешивания на невидимых весах.

Наконец старик кивнул, один раз, коротко.

– Есть! – чётко бросил Вилс, сделал на месте резкий разворот и строевым шагом удалился, не оглядываясь.

Ещё минуту Кан сидел неподвижно, допивая содержимое пиалы. Потом он, с лёгким скрипом суставов, поднялся, опираясь на простую тонкую трость из тёмного дерева. Подойдя к Хрусту, он остановился так близко, что тот почувствовал запах – смесь сухих трав, старости и чего-то горького, лекарственного.

– И что ты умеешь? – спросил Кан. Его взгляд скользил по фигуре Хруста, будто считывая не уровень, а саму структуру его движений, его баланс.

– У меня есть кинжалы, – неуверенно ответил Хруст, указывая на рукояти за поясом.

– Тогда ударь меня, – просто сказал старик.

– Но они... – Хруст не успел договорить.

Раздался короткий, сухой щелчок – звук быстрого, точного движения. И в левом бедре Хруста вспыхнула резкая, жгучая боль. Он даже не увидел, чем его ударили. Тростью? Ребром ладони? Он лишь отшатнулся, потирая ушибленное место.

– Я сказал, ударь меня, – повторил Кан, и в его голосе не было ни злобы, ни насмешки. Только констатация задачи.

Осознание, холодное и ясное, накрыло Хруста. Тренировка уже началась. И правила здесь не игровые. Он сделал выпад, попытавшись схватить старика за руку, но его собственное движение показалось ему нелепо медленным, грубым. Он лишь шагнул вперёд, и в следующий миг уже лежал лицом в песок, сбитый с ног лёгким, невероятно точным дви-

жением трости под колено.

– Ещё раз, – прозвучало сверху.

Хруст вскочил, отряхиваясь, чувствуя, как на щеке прилипли песчинки. Второй заход закончился ещё быстрее. Он оказался на спине, глядя в тусклый свет кристаллов на потолке пещеры, с новым ушибом на плече.

В третий раз, он кое-что понял. Он не победит в ближнем бою. Но, возможно, сможет сделать хоть что-то. Он снова бросился вперёд, намеренно открываясь для заведомо известного теперь приёма. Но в момент, когда трость коснулась его ноги, отправляя в падение, он не сопротивлялся. Вместо этого, используя инерцию, он выхватил кинжал и метнул его в сторону, куда, по его расчетам, должен был сместиться старик после броска.

Звука удара не последовало. Хруст, поднявшись на локте, увидел, что Кан стоит в трёх шагах от того места, куда вонзился клинок, воткнувшийся в песок по самую рукоять. Старик смотрел не на кинжал, а на него. И на его морщинистом лице появилось нечто, отдалённо напоминающее улыбку – лишь лёгкое смягчение складок вокруг рта.

– Ты не так глуп, как я думал, – произнёс Кан, и в его голосе впервые прозвучала тень одобрения, сухого, как этот песок, – убирай оружие. Сейчас начнётся настоящее обучение. Сначала научишься стоять. Потом падать. А уж потом, может быть, и ударишь.

Он повернулся и, слегка прихрамывая, пошёл к центру

арены. Хруст, вытащив свой кинжал, последовал за ним, чувствуя не столько боль от ушибов, сколько странное, щемящее волнение. Впервые с момента «Попадоса» перед ним стояла не абстрактная задача «выжить», а конкретная, физическая, почти медитативная цель: научиться двигаться. Здесь и сейчас. В этом теле.

Мастер Кан определил койку для Хруста не в общей казарме, а в отдельной, маленькой каморке для его учеников. Сейчас здесь был только он один. Комната пахла сухими травами и древесиной. Питался Хруст из общего котла с остальными – пресная каша, иногда каша с парой волокнистых кусков мяса. Спартанская простота, которая стала странно успокаивать. Здесь не надо было выбирать.

Пять дней. Они слились в один долгий, болезненный, монотонный цикл. От рассвета до поздних сумерек, когда свет кристаллов в своде становился тускло-синим, Хруст учился. Вернее, его учили.

Учили не сражаться, а стоять. Правильно распределять вес. Дышать. Делать шаг – не как движение ноги, а как перенос центра мира из одной точки в другую. Каждая ошибка, малейший дисбаланс, немедленно наказывались точным, молниеносным ударом трости – по спине, по голени, по ребрам. Боль была не игровым уведомлением, а ясным, недвусмысленным языком обратной связи.

Каждый вечер Хруста осматривала Сули. Она молча обрабатывала ссадины и ушибы зельями, пахнувшими мятой и

чем-то металлическим. Её прикосновения были профессиональными и бесстрастными.

Иногда с ней приходила Лиана. Она приносила «вкусняшки» – то странные пещерные фрукты, то лепёшки с мёдом. Они сидели на скамье у стены, и Хруст, преодолевая усталость, пересказывал свой день – не как подвиги, а как каталог ошибок: «Сегодня получил по затылку шесть раз. Научился правильно падать на бок». Она, в свою очередь, рассказывала о жизни в городе.

Оказалось, «Пузатый бочонок» приобрёл бешеную популярность среди игроков. Трактирщик, наслушавшись их идей, начал экспериментировать. За воссоздание блюд из «старого мира» он получил титул «Мастер-кулинар» и теперь даже набирал учеников. Забавный парадокс: игроки, знавшие наизусть рецепты рагу по-бургундски и пасты карбонары, на практике не могли отличить съедобный корень от ядовитого и поджечь плиту без заклинания. Их знания были призрачными, лишёнными основы.

Однажды Лиана принесла гамбургер. Булочка, сочная котлета, хрустящие листья похожего на салат растения и терпкий соус. Вкус был почти до боли знакомым. Главной проблемой, по словам Лианы, были не рецепты, а ингредиенты. «В вашем мире, наверное, есть целые поля этой... пшеницы? И стада коров? А у нас всё это – редкость, которую нужно искать, охранять, беречь».

Потом, она небрежно бросила:

– Как-нибудь сходим туда вдвоём. У них теперь есть что-то с шоколадом... или как вы это называете.

Хруст согласился, но честно сказал, что не знает, когда у него будет выходной. Взгляд Мастера Кана, если-бы он услышал это слово, мог бы испепелить камень.

Лиана лишь улыбнулась в ответ – улыбкой, в которой было что-то тёплое и понимающее. А потом добавила, что её не будет несколько дней. Как и Вилса, и Сули.

– В полутора переходах от наших стен, в предгорьях, нашли большое гнездовье гоблинов. Собирают отряд для зачистки.

Хруст спросил, чем они так опасны. Рассказ Лианы был без эмоций, просто констатация фактов, отчего становилось ещё страшнее.

– Воруют скот. Разоряют посевы. Сжигают деревни, если находят. Жителей забирают. Мужчин – убивают и едят. Женщин... используют, пока не надоест, а потом тоже убивают. Они умеют ковать примитивное железо, делать луки и копья. Но с ними нельзя договориться. В них нет ничего, кроме голода, страха и жестокости. Они как болезнь.

Хруст посмотрел на её хрупкие, изящные руки, привыкшие пересчитывать грибы и монеты.

– Зачем тебе туда? Ты же не воин, как Сули.

Она улыбнулась снова, но на сей раз в её янтарных глазах вспыхнула холодная, отточенная сталь.

– Я тоже прошла обучение у Мастера Кана. Пусть я не

фронтальной боец. Но стрелять из лука в цель, которая сама бежит на тебя, умею. И опыт... опыт нужен всем. Без него здесь не выжить.

На этом они и расстались. Хруст поплёлся в свою каморку, тело ныло от усталости, а в голове крутились образы: гоблины, горящие деревни, и Лиана с луком в руках, стоящая в строю рядом с сестрой и Вилсом.

Они уходили на войну. Он же оставался здесь, чтобы научиться правильно стоять. Это было унижительно и... правильно. Потому что прежде чем сражаться с чужими чудовищами, нужно было научиться управлять своим собственным телом. И, возможно, страхом.

Следующие несколько дней Мастер Кан гонял Хруста пуще прежнего. Казалось, он выжимал из его мышц и костей последние капли неверности, каждую крупницу ложного рефлекса. Удары трости стали не наказанием, а языком – сухим, безжалостным словарём, поправляющим каждую запясть в языке его тела.

И когда, наконец, стойки перестали вызывать у него немой, разочарованный вздох, а шаги стали тише и увереннее, Мастер Кан изменил правила. Он встал напротив Хруста в спарринг. Задача была до абсурда проста: нанести ему хоть один удар. Он же просто уворачивался – не телепортируясь, нет, а сдвигаясь ровно на сантиметр, – и лёгким, неотразимым движением опрокидывал его на песок. Это было унижительнее всех прежних наказаний.

А потом, через день, в середине очередного такого унижительного цикла, когда Хруст уже мысленно готовился к очередному падению, случилось оно.

В углу зрения, беззвучно и скромно, возникло системное уведомление: «Поздравляем! Вы получили способность. «Безоружный бой» Уровень 1, Пассивная».

Ничего не изменилось. И всё изменилось.

Следующий раунд начался как обычно. Хруст сделал шаг, занёс руку для удара... и мир сдвинулся. Мастер не исчез. Он просто начал двигаться с нечеловеческой, пугающей скоростью. Но теперь – и это было самым странным – он видел эту скорость. Вернее, видел не размытое пятно, а отдельные, чёткие фазы движения: сгибание колена, микросдвиг корпуса, начало замаха тростью.

Хруст увидел подсечку – ту самую, что отправляла его в пыль десятки раз. И впервые не споткнулся. Его собственный корпус, будто помня боль прошлых ошибок, сам отклонился, нога перенесла вес, и он... обошёл её. Не упал.

На миг воцарилась тишина. Хруст замер, не веря себе. Мастер Кан тоже остановился. Его морщинистое лицо было непроницаемо, но в глубине потускневших янтарных глаз вспыхнула крошечная, холодная искра интереса. Она погасла быстрее, чем Хруст успел её осознать.

В следующее мгновение Мастер Кан перешёл в наступление. Его трость со свистом, которого Хруст раньше не слышал, описала короткую дугу. Он увидел её траекторию, но

его тело отреагировало с чудовищным, медленным запаздыванием. Трость со всей силой ударила его по голове. Звон в ушах, звёзды в глазах. Но он не упал. Впервые за все дни Хруст принял удар стоя и устоял.

Они замерли. Хруст, покачиваясь, смотрел не снизу вверх, а прямо – прямо в его глаза. А Мастер Кан смотрел на него. И на его лице расплзлась не улыбка, а нечто её напоминающее – притворная, почти зловещая ухмылка старика, поймавшего на крючок неожиданно жирную рыбу.

– Уворачивайся, – только и произнёс он хриплым шёпотом.

Его трость взмыла вновь. И снова мир замедлился, превратившись в череду читаемых, но всё ещё слишком быстрых картинок. Хруст успевал видеть, но едва успевал реагировать. Взмах – удар по рёбрам, глухая боль. Ещё взмах – он отпрыгнул назад, и трость прошла в сантиметре от горла. Третий – Хруст не увернулся, но смог подставить предплечье, приняв силу удара на кость.

А на четвёртом... Ему удалось поймать его трость. Рука Хруста, действуя почти без его ведома, сомкнулась на трости чуть ниже хвата. Триумф длился одно дыхание.

Хруст тут же получил удар ногой – резкий, короткий, невероятно сильный – прямо в солнечное сплетение. Воздух вышел из лёгких со всхлипом. Он согнулся пополам и рухнул на песок, давясь пустотой.

И пока Хруст лежал, свернувшись калачиком и пытаясь

вдохнуть, система вновь отозвалась: «Поздравляем! Вы получили способность: «Уклонение» Уровень 1, Пассивная».

Над головой раздался голос Мастера Кана, ровный и бесстрастный, будто ничего и не произошло.

– На сегодня хватит.

Хруст услышал, как он, слегка поскрипывая суставами, удалился и занял своё привычное место на деревянном настиле, скрестив под себя ноги. Его дыхание было ровным, как у человека, вышедшего на лёгкую прогулку.

Хруст же лежал на песке, чувствуя, как боль от свежих ушибов накладывается на фоновую ломоту всего тела. Но сквозь неё пробивалось иное чувство – не радость, не победа. Понимание. Он не просто получил «скилл». Он почувствовал грань. Ту скорость, тот ритм, в котором живут они. И до которой ему было ещё ой как далеко. Но теперь он знал, куда смотреть. Это было больше, чем опыт. Это была карта местности, на которой Хруст, наконец, увидел первую тропинку.

Отдышавшись, Хруст поднялся и уселся на краю деревянного помоста рядом с Мастером. Песок хрустел на его одежде.

– Почему остановились? – спросил он, всё ещё чувствуя гугучую дрожь в мышцах. Не от страха, а от того самого нового, странного понимания, что теперь жило в его костях.

Мастер Кан не повернул головы, его взгляд был устремлён куда-то в пустоту тренировочной арены.

– В тебе появилась устойчивость. И тревога. Она сквозит в каждом движении, – произнёс он своим хриплым, неспешным голосом, – мешает учиться. Сначала нужно найти её источник и либо отсечь, либо принять.

И тут до Хруста дошло. Тревога была не его собственная, не от усталости или боли. Она пришла извне, с чужими словами. Лиана. Гоблины. Полтора перехода.

Он мысленно сложил цифры. Полтора дня туда. День на зачистку. Полтора обратно. Четыре дня максимум.

– Они ушли неделю назад, – тихо сказал он, и это прозвучало как приговор.

Мастер лишь слегка кивнул, подтверждая его расчёты.

– Что делать? – спросил Хруст, и в его голосе прорвалось то, что он так старательно подавлял на арене – беспомощность.

– Ждать, – сухо отрезал Кан, – завтра на рассвете вернётся разведчик. Он доложит. А сегодня... иди в город. Телу нужна иная работа, а мыслям – иная пища.

Хруст поблагодарил его кивком и впервые за кажущуюся вечность пересёк границу тренировочной арены. Оказавшись за воротами казармы, он остановился, поражённый.

Город было не узнать. Воздух, прежде пропитанный отчаянием и тишиной, теперь гудел. Не паникой, а деятельностью. Игроки, оправившись от первоначального шока, не просто выживали – они осваивались. На импровизированных лотках шла бойкая торговля добытым лутом: шкурами,

рудой, странными растениями. Кто-то в наскоро сделанных доспехах собирал группу для рейда в нижние пещеры, горячо споря о тактике. Другие, с сосредоточенными лицами, колотили по наковальням или шили кожаные сумки – решили вложиться в ремёсла.

Картина была странно обнадёживающей и пугающей одновременно. Жизнь, вопреки всему, брала своё. Но это была жизнь в аквариуме, о стенки которого они всё ещё бились, просто научились делать это с меньшим шумом.

Вспомнив свой жалкий опыт с разделкой кабана и потерю большей части добычи, Хруст решил исправить это упущение. Подойдя к стражнику у ворот, он спросил, где можно обучиться ремеслу разделки.

– На ферме, в восточном квартале, – буркнул стражник, тыча пальцем в сторону низких каменных строений. – Но с тебя возьмут. И не мало.

Энтузиазм мгновенно угас. В его виртуальном кошельке было «шаром покати» – фраза из старого мира, которая здесь звучала ещё более горько. Оказалось, что даже в ловушке, где твоё тело – лишь данные, тебе нужны монеты, чтобы чему-то научиться.

Оставался один проверенный, скучный путь. Он направился к доске объявлений. Её исписали вдоль и поперёк. Квестов было десятка два, и они уже не выглядели примитивными «принеси-пять-грибов». Они были куда интереснее: «Очистить шахту от крыс-мутантов», «Найти пропав-

шего геолога в лабиринте сталактитов», «Добыть яд паучьего монарха для алхимика». Мир обрастал сложностью.

Хруст выбрал то, что казалось ему по силам и не требовало группы: «Добыть хитин Щелкуна (0/10). Награда: 25 медяков за штуку». Описание гласило, что эти твари водятся на нижних, сырых уровнях пещеры под фермой. Опыта – немного, но денег – достаточно, чтобы заплатить за урок ремесла.

Это было решение. Не героическое, а практическое. Способ занять время, пока где-то там, в предгорьях, решалась судьба отряда. Способ перестать быть беспомощным хотя бы в этом маленьком, понятном деле.

Он проверил ремни на своих кинжалах, сверился с картой, и направился вглубь, по спускающимся тоннелям. Охота на щелкунов была не подвигом. Она была способом сократить время до завтра. До рассвета, который принесёт вести.

Спустившись на нужный уровень, Хруст начал его исследовать. Локация оказалась примитивной, как учебный полигон: длинный, извилистый коридор с ответвлениями в небольшие, почти одинаковые гроты. В них, как на конвейере, и обитали щелкуны. Огромные, размером с крупную собаку, жуки с маслянисто-чёрным панцирем и жвалами, издававшими тот самый сухой, щёлкающий звук.

И вновь реальность этого мира выдавала своё двойное дно. С одной стороны – жестокий реализм боли и ран. С другой – условности, словно позаимствованные из самой прими-

тивной онлайн-игры. Жуки появлялись в строго отведённых гротах и не покидали их, словно привязанные невидимой нитью. Некоторые игроки, чаще всего сбившиеся в небольшие группы, занимали по два-три грота сразу, устроив конвейер по зачистке. Доносились крики, смех, звон оружия, разный шум, а не охота.

Пройдя глубже, где было чуть тише, Хруст выбрал один из свободных гротов и занял позицию у входа. Внутри мирно копошились пять щелкунов. Впервые с момента спарринга с Мастером он решил опробовать свои навыки не для защиты, а для нападения. И не кулаками, а кинжалами. Оружие должно было стать продолжением тела, а не его заменой.

Он занял стойку – лёгкую, готовую к движению, как учили. Сделал вдох. И...

Мир замедлился. Не так, как в ярости боя с кабаном, и не так, как в отчаянии под ударами трости. Теперь это было управляемое замедление. Он видел, как ближайший щелкун поворачивает к нему тупую голову, как его жвалы медленно размыкаются.

Хруст сделал шаг. Один. Взмах клинка – не сильный, но точный, в щель между сегментами хитиновой брони на шее. Тварь даже не вскрикнула, лишь брызнула струйкой едкой зелёной крови на камень и замертво рухнула.

Но в гроте были ещё четверо. И они, почуяв угрозу, разом ринулись на него, жвалы щёлкали, словно кастаньеты. Но куда им было до Мастера.

Их атаки казались ему размашистыми, тяжёлыми, предсказуемыми. Он не уворачивался от них – он обходил, встраиваясь в ритм их движений. Ещё шаг, короткий удар под углом – второй щелкун захрипел, спотыкаясь за собственные лапы. Поворот корпуса, скользящий удар по главному стеблю третьего – тварь, взвизгнув, покатила по полу в агонии. Последний попытался прыгнуть, но в полёте встретил лезвие, срезавшее его голову одним чистым движением.

Тишина. Хруст стоял среди пяти расплзающихся хитиновых тел, его дыхание было ровным, сердце билось чуть учащённо, но не от страха – от концентрации. Он почувствовал не гордость, а удовлетворение от хорошо выполненной работы. Как после удачно написанного скрипта.

Он принялся собирать лут. Система, как и прежде, была безжалостна: из пяти тварей ему удалось содрать лишь два сносных куска хитина. Остальное рассыпалось в пыль или оказывалось безнадёжно испорченным. 30% эффективности. Холодная реальность мира.

Он не стал роптать. Просто перешёл в соседний грот. Потом – в следующий. Потом – ещё один. Каждый зачищался с той же безжалостной эффективностью. Он не обращал внимания на шум и крики из соседних комнат, на возгласы удивления, когда кто-то видел, как одинокий дроу выходит из очередного грота, отряхивая клинки. Он работал. Фармил. Коротал время.

Вернувшись к первому, уже зарисованному гроту, он за-

стал там свежую партию из трёх жуков. И снова – шаг, удар, пауза, ещё удар. Механический танец.

Именно в момент, когда последний щелкун разваливался на части, за его спиной раздался не крик, а изумлённый, почти свистящий возглас:

– Ё-моё... Да он их косит, как траву!

Хруст резко обернулся, кинжалы уже в положении, готовые к обороне или атаке. Перед ним стояли пятеро дроу. Все игроки. Двое воинов в примитивных латах, Табус с мечом и щитом, Стронг с двуручным топором. За ними – хрупкая на вид лучница Маргаритка, с коротким луком. И двое магов Рубик и Лили, в длинных, слегка нелепых робах, с простыми деревянными посохами.

Пока войны и маг Рубик просто стояли, ошарашенно разглядывая груды хитиновых обломков и спокойного дроу в центре, двое других не выдержали. Лили и Маргаритка синхронно шагнули вперёд, и на Хруста обрушился шквал вопросов, сыпавшихся вперемешку:

– Как ты это сделал? Они же тебя даже не задели!

– У тебя скрытый класс? Легендарные кинжалы?

– Покажи способности! Какое сработало?

– Ты один здесь? Группа есть?

Их голоса, звонкие и полные неподдельного изумления, смешались в единый гул. Хруст замялся. Столкновение с кабаном или тростью Мастера Кана было проще, чем этот внезапный, живой интерес сразу двух представительниц... про-

тивоположного пола, в общем-то. В его старой жизни такое внимание было бы немыслимо.

– Хватит! – рявкнул голос, перекрывая девичий гам. Это был Табус. Девушки мгновенно смолкли, отступив на шаг. Властность в его тоне была мгновенной и неоспоримой. Стало ясно, кто здесь лидер не по названию, а по сути.

– Что растрещались, как сороки? Дайте человеку рот раскрыть, – он сделал паузу, переводя взгляд на Хруста, и его голос смягчился, но не потерял стальной жёсткости. – Скажи, пожалуйста. Как тебе удалось их так... покрошить? Чисто, быстро. Без шума.

Хруст опустил кинжалы, но не убрал.

– Просто встал в стойку и напал первым, – ответил он честно. – Оружие, вот эти кинжалы. Стартовые, нубские. Но дело не в них. Дело в... рукопашном бое, первого уровня. И уклонении. Тоже первого уровня.

После этих слов воцарилась тишина, которую можно было потрогать. Глаза у всей пятёрки стали круглыми, как блюдца. Они переглянулись, в их взглядах читался немой вопрос: «Какого чёрта?» Эти умения не значились в списке начальных навыков ни у одной из доступных рас или классов.

– А как ты... боевые скиллы-то получил? – наконец спросил Табус, почти шёпотом, как будто речь шла о государственной тайне.

– У Мастера, – так же просто ответил Хруст.

Слово «Мастер» повисло в воздухе волшебным заклина-

нием. Все пятеро невольно сдвинулись, обступив его тесным полукругом. Теперь в их взглядах любопытство сменилось на жадный, практический интерес.

– Не буду ходить вокруг да около, – выпалил Рубик, маг с острым, умным лицом. – Вступай к нам в клан. «Кулак Гефеста». У нас своя кузня, своя мастерская по пошиву. Места хватит.

Повисла тягучая пауза. Хруст видел, как они замерли в ожидании, ловя каждый его вздох. Его мысли работали быстро. Одиночество было комфортным, но... опасно бесполезным в долгой перспективе. У этих людей была структура, ресурсы. И они чего-то хотели от него.

– Так, – медленно начал он, собирая мысли в кучу, – я занимался у Мастера почти месяц, чтобы получить эти два скилла. Он... строгий. На счёт магов я не знаю, а танков и лучницу, думаю, сможет обучить. Но я не в курсе, сколько он с вас возьмёт. И возьмётся ли вообще. Он не каждого берёт.

Группа мгновенно отхлынула в сторонку, сбившись в кучу. Послышался сдержанный, горячий шёпот: «Месяц!», «Надо попробовать!», «А цена?», «Главное договориться!». Хруст стоял, наблюдая за этой немой сценкой, чувствуя себя немного посторонним на собственной аудиенции.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.